

тра окажу вам всю должную честь. Теперь возвратитесь в ладью свою, и когда люди мои придут за вами, велите им нести себя на руках". Между тем Ольга приказала на дворе теремном ископать глубокую яму и на другой день звать послов".¹⁶ Карамзин не стилизует свой «пересказ» под летопись, но стремится максимально объективировать тот взгляд на вещи, который явственно выступает в повествовании древнего летописца. И читателя своего Карамзин хотел бы научить воспринимать прошлое во всей простоте и безыскусности древних представлений.

По мере работы над «Историей» Карамзин все более внимательно всматривается в образно-стилистическую структуру древнерусского памятника, будь то летопись или «Слово о полку Игореве», отрывки из которого он перевел в третьем томе. В свое повествование он вкрапляет летописные детали, образные выражения, придавая тем самым особую окраску и своей авторской интонации. Один из самых строгих критиков Карамзина, декабрист Н. И. Тургенев, записывал в дневнике: «Я читаю третий том Истории Карамзина. Чувствую неизъяснимую прелесть в чтении. Некоторые происшествия, как молния проникая в сердце, роднят с русским древнего времени...»¹⁷

От тома к тому Карамзин усложнял свою задачу: он пытался передать и общий колорит эпохи, найти связующую нить событий прошлого и в то же время «изъяснить» характеры людей, тем более что круг источников становился обширнее, являлась возможность выбора той или иной трактовки. Карамзина увлекала эта возможность уже не просто констатировать поступки исторических героев, но психологически обосновать те или иные их действия. Именно под этим углом зрения создавались Карамзиным наиболее полнокровные характеры его «Истории» — Василия III, Ивана Грозного, Бориса Годунова. Примечательно, что, создавая последний том, Карамзин внутренне соотносил свои методы и задачи с теми принципами, которые воплощал в это же время в своих исторических романах Вальтер Скотт.¹⁸ Конечно, Карамзин не собирался превращать «Историю государства Российского» в роман, но это сближение было правомерно: и в романах Вальтера Скотта, и в «Истории» Карамзина вырабатывалось новое качество художественного мышления — историзм. Обогащенный опытом многолетнего общения с историческими источниками, Карамзин переходит к изображению сложнейшей исторической эпохи — так называемого Смутного времени, стремясь раскрыть ее главным образом сквозь призму характера Бориса Годунова.

Карамzinу часто вменяли в вину, зачем он взял летописную версию об убийстве царевича Дмитрия и развил ее как достовер-

¹⁶ Там же, с. 160—161.

¹⁷ Архив братьев Тургеневых. Пг., 1921, т. III, с. 114.

¹⁸ См.: *Макогоненко Г. П. Карамзин и Просвещение.* — В кн.: *Славянские литературы. Материалы VII Международного съезда славистов.* М., 1973, с. 308—310.